

Спустя несколько часов Ли Жун лежал на кровати, чувствуя, как по телу всё еще бежит испарина, и не желал шевелить даже пальцем.

Когда жар понемногу спал, Цэнь Сяо всё же заставил его подняться и отвел в ванную. Ли Жун, разомлевший и сонный, едва держал глаза открытыми — казалось, он вот-вот провалится в забытие прямо на ходу. Цэнь Сяо пришлось буквально стаскивать его с кровати, подхватывать под поясницу и, полуобнимая, вести в душ.

После купания Ли Жун почувствовал себя куда свежее, но возвращаться на пропитавшиеся потом простыни не было никакого желания. Им пришлось, преодолевая усталость, сорвать белье, закинуть его в стиральную машину и застелить кровать заново. Как только с этим было покончено, юноша нырнул под одеяло и, коротко зевнув, закрыл глаза.

Цэнь Сяо, наблюдая за ним с усмешкой, не удержался от вопроса:

— Ну что, убедился, что кое-какие навыки я всё же унаследовал?

Веки Ли Жуна едва заметно дрогнули.

— Спать... Просто спим. Тебе что, завтра к экзаменам готовиться не нужно? — пробормотал он.

— И всё же, — не унимался Цэнь Сяо, — когда ты собираешься во всём честно признаться?

Ли Жун высунул руку из-под одеяла и нащупал выключатель. В спальне воцарилась темнота, решительно пресекая всякие попытки собеседника продолжить беседу.

— Поговорим после сессии, — отрезал он.

Разделавшись с делами фармацевтической компании «Мэйцзян», Ли Жун впервые за долгое время ощутил покой и хотел лишь одного — дать своему мозгу передышку на несколько дней. Тайны прошлой жизни, какой бы запутанной она ни была, могли подождать.

На время экзаменационной недели жизнь Ли Жуна и Цэнь Сяо наконец вернулась в привычное русло. Ли Жун все эти дни не появлялся в общежитии: он не знал, о чём именно Хэ Даюн рассказал сыну, и не представлял, какой будет их следующая встреча с Хэ Чанфэном.

По совести говоря, Чанфэн ничем его не обидел и даже как-то раз угостил бутылкой минеральной воды. Конечно, Ли Жун не собирался предаваться излишней сентиментальности или корить себя за то, что использовал соседа по комнате. Он просто испытывал легкую горечь от того, что на пути к цели порой приходится причинять боль невинным.

Экзамены у Ли Жуна закончились на неделю раньше, чем у Цэнь Сяо. Сессия подошла к концу, а вместе с ней наступило время зимних каникул. Формально покидать кампус не разрешалось, но на деле за этим почти никто не следил. Ему нужно было вернуться в общежитие, чтобы собрать вещи в стирку и накрыть постель пленкой, защищая её от пыли.

Войдя в комнату, он не застал там Хэ Чанфэна, который обычно проводил в общежитии почти всё время. Вместо него у холодильника стоял Сун Хэ.

Заметив вошедшего, тот явно растерялся:

— Ты чего вернулся?

Ли Жун усмехнулся:

— Это моя комната, почему бы мне не вернуться?

Собеседник поджал губы и, отведя взгляд, сухо пробормотал:

— Я не это имел в виду. Думал, ты уже уехал домой.

— А ты разве не едешь? — поинтересовался Ли Жун.

Сун Хэ достал из холодильника помидор и принялся мыть его под краном, отрицательно качнув головой:

— На каникулах можно найти подработку. Ехать домой — только время терять.

Ли Жун молча наблюдал за его худощавой спиной и тем, как парень торопливо, почти не глядя, споласкивает овощ. Раньше у этого холодильника он постоянно видел Хэ Чанфэна. Тот забивал полки дорогой импортной черешней и киви так плотно, что другим почти не оставалось места. Чанфэн никогда не возражал, если соседи угощались его запасами, но Ли Жун догадывался, что гордый Сун Хэ ни разу не прикоснулся к чужому.

— А где Хэ Чанфэн? — спросил Ли Жун, заметив, что в холодильнике стало непривычно просторно. Теперь там вполне хватало места для скромных помидоров Сун Хэ.

Вымыв овощ, юноша стряхнул воду с рук и небрежно вытер их об одежду:

— Сдал экзамены и сразу уехал. Его семья... Впрочем, ладно.

Он нахмурился. Сун Хэ не хотел сплетничать о чужих делах за спиной, хотя о проблемах семьи

Хэ теперь, вероятно, знал весь курс. Ли Жун слегка склонил голову набок, глядя, как сосед вгрызается в помидор. Тот стоял, опустив голову, и косточки на его затылке проступали пугающе отчетливо — парень казался еще более истощенным, чем раньше.

Ли Жун внезапно спросил:

— Снова ищешь подработку?

Это слово «снова» заставило Сун Хэ вздрогнуть. Он резко вскинул голову и с нескрываемым удивлением уставился на Ли Жуна. Он никогда не говорил соседям о своих поисках работы. Откуда Ли Жун мог знать?

— Ты...

Ли Жун лишь покачал головой с оттенком легкого сожаления:

— Раз уж ты больше не собираешься за мной следить, может, скажешь, кто тебя об этом попросил?

Он не считал Сун Хэ дураком и верил, что тот поймет его без лишних объяснений. Сун Хэ замер, его глаза расширились от шока, а губы мелко задрожали. Томатный сок потек по пальцам, пачкая рукав, но парень этого даже не заметил.

— Узнать об этом было не так уж сложно, — ровным голосом продолжил Ли Жун. — Честно говоря, иногда ты вел себя слишком уж скованно.

Ли Жун понимал: с таким замкнутым и самолюбивым характером Сун Хэ наверняка презирал себя за подобные поручения. Всё это время он, должно быть, мучился от угрызений совести. Именно поэтому он решил потратить каникулы на работу — лучше вкалывать до седьмого пота и не ехать домой на Новый год, чем зависеть от чужих милостей.

Сун Хэ сглотнул, его лицо пошло красными пятнами от жгучего стыда. Ему хотелось провалиться сквозь землю. Он-то считал себя осторожным и скрытным, а Ли Жун, оказывается, всё знал и просто не подавал вида. Юноша чувствовал себя жалким клоуном, за каждым движением которого наблюдали с ироничным пониманием.

Сун Хэ до боли прикусил щеку и глухо произнес:

— Я не следил за тобой. Мне нужно было только передавать информацию о твоих делах. Как твоё здоровье, как учеба, какое настроение... нет ли проблем в семье или трудностях в быту. Только и всего. Но ты почти не бывал в комнате, я тебя почти не видел. Мы на разных потоках, я понятия не имел, чем ты занят. Единственное ценное, что я сообщил — это что ты заболел, а потом поправился. Мне не казалось, что заказчик хочет за тобой шпионить. Это было больше

похоже на заботу... Но я не мог ничем помочь. Брать деньги и ничего не делать — совесть не позволила. Вот я и отказался.

Ли Жун замер. О чём-то подобном он и сам догадывался, но ему было трудно поверить, что в этом мире — помимо Цэнь Сяо и старых друзей — действительно есть кто-то, кому он небезразличен. Это казалось почти невозможным.

— Кто это был? — спросил Ли Жун.

Сун Хэ поднял взгляд, в его глазах читалось сомнение:

— Он просил не говорить тебе.

Ли Жун слегка прищурился, и его тон стал холодным:

— Ты утверждаешь, что это не шпионаж, а забота, но моего мнения никто не спрашивал. Мне не нужны соглядатаи, прячущиеся в тени, это ощущение чужого взгляда в спину невыносимо. Будь ты на моем месте, тебе бы тоже это не понравилось. Ты пытаешься оправдать свои действия благими намерениями, но методы твои нечисты, а значит, и в цели нет никакой правды.

Сун Хэ вздохнул. Он понимал свою вину перед Ли Жуном: в конце концов, он действительно использовал его, чтобы получить деньги. Парень решил:

— Профессор Цзян Вэйдэ. Тот самый почетный профессор из исследовательского института «Хунсо». Когда он нашел меня, я сам был поражен, но так уж вышло. Я всегда думал, что хоть ты и побогаче меня, но до Хэ Чанфэна тебе далеко. Оказалось, вы оба непростые люди. У него отец — президент компании, а у тебя — влиятельные родственники среди академиков.

Сун Хэ был уверен, что Цзян Вэйдэ — родственник Ли Жуна. Старик, мол, переживал, что парень попал в группу к Чжан Чжаохэ, и велел присматривать за ним, беспокоясь о его будущем. И хотя Сун Хэ не одобрял такие методы, он не мог не испытывать горькой зависти.

Некоторым жизнь дается легко с самого рождения. Они окружены ореолом славы, их оберегают могущественные покровители. Теперь понятно, почему Ли Жун не волновался из-за группы Чжан Чжаохэ и не слишком усердствовал в учебе. С поддержкой такого человека, как Цзян Вэйдэ, ему не нужно было беспокоиться о карьере — он выиграл этот забег еще на старте.

А парню приходилось не только стремиться к совершенству в науке, но и выкраивать время на подработки. Каждую ночь, лежа в постели, он считал копейки: хватит ли семье денег, чтобы купить сестре «Цзякэтин» на следующий год? Пока другие студенты планировали поездки, встречи с родителями или походы в кино, у него не было выбора.

Ли Жун уловил самоиронию в последних словах Сун Хэ. После того как вскрылась правда о семье Хэ, тот, должно быть, долго страдал от чувства несправедливости. Трудно сохранять спокойствие, когда пропасть между тобой и соседом по комнате столь велика.

Ли Жун спокойно произнес:

— Цзян Вэйдэ мне не родственник. Я видел его всего один раз в жизни — на похоронах моих родителей.

Сун Хэ опешил:

— На... похоронах?

«Родители Ли Жуна мертвы?!»

Ли Жун отвернулся, запер дверь своей комнаты и спрятал ключ в карман. Затем он поднял сумку с грязными вещами.

— Раз уж ты больше не работаешь на него, в следующем семестре я буду заходить почаще.

Сун Хэ молча сжал кулаки, его лицо побледнело.

— Тогда почему Цзян Вэйдэ так печется о тебе?

Ли Жун пожал плечами с равнодушным видом:

— Понятия не имею. Может, просто жалеет.

С этими словами он вышел из комнаты.

«Ли Жун — сирота. Цзян Вэйдэ ему никто. Чему же он всё это время так отчаянно завидовал?»

Сун Хэ так и остался стоять, не в силах пошевелиться.

Как только Ли Жун покинул общежитие, выражение его лица мгновенно стало сосредоточенным. Он никак не ожидал, что человеком, нанявшим Сун Хэ, окажется Цзян Вэйдэ. И тот не шпионил за ним, не пытался узнать, связан ли он с делом о фальсификации гипотезы Ли Цинли — его интересовали лишь быт, учеба и деньги.

Весь этот семестр Сун Хэ почти ничего не мог сообщить профессору, но Цзян Вэйдэ исправно

платил ему, словно его совсем не заботило, что деньги уходят в пустоту. Он просто помогал студенту, который из-за формальностей не мог получить стипендию, но остро нуждался в средствах.

«Чего же на самом деле добивается Цзян Вэйдэ?»

У Ли Жуна заныло в висках. Прошрое, которое он, казалось, надежно похоронил в памяти, вновь предстало перед ним, как экран, с которого смахнули пыль.

Цзян Вэйдэ, который каждое утро приносил ему домашний завтрак. Цзян Вэйдэ, который с невероятным терпением направлял его первые научные шаги. Цзян Вэйдэ, который, надев очки для чтения, мог обойти два этажа в поисках Ли Жуна, чтобы тот помог ему зарегистрировать аккаунт в интернет-магазине.

Тот самый Цзян Вэйдэ, который ворчал, что у Ли Жуна слишком тонкие брюки и на старости лет его замучит артрит. Тот, кто при оформлении отчетов по грантам норовил из своего кармана оплатить даже бумагу для принтера. Тот, кто, получив от исследовательского института «Хунсо» деликатесы, полагающиеся почетным профессорам, умудрялся — пользуясь своим положением — выхлопотать целую коробку для него...

<http://bllate.org/book/15351/1502232>